

На этой неделе мы чувствуем не только миллионеров. 11 ноября исполняется 90 лет жительнице нашего города Раисе Федоровне Зотовой. Она уже 15 лет состоит в совете ветеранов. Очень активна, поэтому наверно как многие ее знают. Но вряд ли кто смог бы предположить, что у этой всегда улыбающейся элегантной дамы на подходе столетие. Серьезный юбилей! Жизнь Раисы Федоровны была захватывающей, историй хватало бы на целую книгу. О самых трагических страницах, годах блокады, она по сей день рассказывает еще школьникам. У ребят все еще великодушный шанс узнать историю страны не только из учебников, но и услышать непосредственно от очевидцев. Да и я с замيرانьем сердца слушаю Раису Федоровну.

И НЕ ПРОХОДИТ МОЛОДОСТЬ...

Ее отец, Федор Данилович, родился в 1862 году, мать, Софья Павловна, на 30 лет моложе. И ведь это даже не прошлый, а уже позапрошлый век. Отец служил на Балтийском флоте, был в командировке составе. Родители познакомились у генералыши, где мать работала горничной. Софья Павловна стала третьей женой Федора Даниловича. Генеральша все ее настаивала: "Муж старый помрет, а ты будешь богато жить". Но в революцию все отповские сбережения пропали, зато жили они четверк детей. В 1917-м году семья, спасаясь от голода, уехала в Саратов, в 1926-м вернулись обратно. Оба брата погибли в Великую Отечественную. А вот сестра Раисы Федоровны также долготельница, недавно отпраздновала 80-летний юбилей. По сей день участвует в самодеятельности — видима, активная жизненная позиция у них в крови. Блокада Ленинграда у обеих глубоко сидит в сердце...

БЛОКАДА

— 22 июня вышло на воскресенье. Накануне была плохая погода, а тут как раз выгнануло солнышко, и мы всем двором (а жили на набережной канала Грибоедова, 129) собрались на Кировские острова (так до 1933-го назывались Елагин, Крестовский и Каменный острова). И тут по радио Молотов объявил войну... Лица женщины сразу посерели. Парни пошли в военкомат. Нас мобилизовали рыть окопы в Шушарах. Работали с утра до вечера по октябрю, руки

были сбиты в кровь. Ежедневно в семь вечера начинали бомбить немцы. В надежде спастись мы прикрывали головы лопатами. Конечно, этот наивный жест не мог уберечь, многие погибли в окопах.

8 сентября сгорели Бадаевские склады, были введены карточки на продовольствие. Мне, как служащей, полагалось 250 граммов хлеба, а мама с сестрой получали по 125. Пережившая революцию, мама кое-что успела запасти, но этого хватило ненадолго. Не было ни отопления, ни света. Мы жили в 38-метровый комнате, выбитые рамы зашевелили одеялом, крохотная печурка не спасала от холода. Стали втроем, предвзято укалывало потелее. Воды также не было, за ней приходилось ходить на Неву. Весной 42-го к пайку прибавили хлеба, давали селенку, растительное масло. Также мы ездили в Озерки за лебедой. Мама шивала ее с древесными опилками и пекла на буржуйке вкуснейшие лепешки...

Сложно предсказать современному человеку, насколько изуродованы были эти лепешки из пшеницы и опилок изумленным голодом, холодом и ежедневными обстрелами людей. Все мы знаем о героях во Ленинградцев, но когда сталики вешались с человеком, видевшим этот ужас воочию, ком подступает к горлу, кажется бесактным задавать следущий вопрос, который всколыхнет кошмар пережитого. После паузы Раиса Федоровна продолжает:

— Мы с мамой заболели цингой.

Но не это было самым страшным. Сначала от бомбежек скрывались в Никольском соборе, а потом перестало хватать сил, да и чувства атрофировались. Стало все равно: убит — не убит... А смерть царя ла повсюду. Прямо на улице люди падали и больше не вставали. Так как вывозить трупы было некомму, на них возможно было наткнуться везде. В феврале 1942-го всех жителей призывали очистить город от нечистот. Мы, совсем юные девушки, выносили покомников. В квартирах порой было по пять трупов, вымирали семьями.

ЭВАКУАЦИЯ

— Нам повезло, так как мама была инвалидом, страдала от воспаления почек, и в октябре 42-го нас эвакуировали через Ладожское озеро. На тот момент мы уже не могли ходить. Многие умирали в дороге. В дороге появились возможность менять на продукты вещи, но мы ничего не взяли, потому что не хватало сил вывозить что-либо из Ленинграда. На первой станции, поборов слабость, я пошла мыться. Подожла женщины и попросила мой крохотный кусочек мыла. Это было последнее, что у меня оставалось, поэтому я отказалась. Тогда она вернулась с котенком селенкой, на которую и выменяла обмылок. До сих пор я уверена, что лишь благодаря этому случаю мы остались живы. Мы съели все — от шкурки до потрохов.

Не скоромы добралась до северного Казахстана, села Михайловка

Павлодарской области. Глядя на нас, жители плакали. Пустившие на постой спросили: "Зачем ты привезла 90-летнего старуху? Оставь да буй уж в Ленинград помирать!". А маме тогда было 50 лет... Помогали, чем могли: кто принесил мячико, кто молоко, кто кумыс, кто творог. С 43-го по 47-й мы прожили в Казахстане. Я работала экономистом, потом заведующей. Мама следила за отородом, уже в 43-м принласть копать землю, а местные все дивились: "Мы ее хоронить собирались, а она еще замуж выйдет!".

ЖИЗНЬ В ТОСНО

— В ноябре 1947-го мы с мамой и сестрой вернулись в Ленинград. В нашем дворе в живых осталось только несколько семей, которые смогли эвакуироваться. Остальные погибли — кто на войне, кто в блокаду. Сначала жили в Выбурге, приютил двоюродный брат, затем я попала в Тосно. Как сейчас помню: приехала сюда в светлом платье, босножках, шпигке фик-фок на один бок, а тут грязный вокруг — тонуть можно. Прокхотный мимо мужнина вызволен перенести меня через лужу...

В Тосно Раиса Федоровна и пустила корни. Здесь, в кинотеатре, она познакомилась с будущим мужем, коренным тоснонцем. На его долю также выпало немало испытаний, он — бывший уник кончатера в Даху. Так и сошлись две израненные войной души. С мужем прожила всю жизнь, родила дочку, сегодня уже подрастает правнуком второкласник.

С 1953-го года работала заведующей, в 1958-м назначена председателем Любанского по. А в 1961-м году вступила в ряды добровольцев. Далее с по 1976-й трудилась в Ульяновском сельпо.

— Раиса Федоровна, вы испытываете добрые эмоции, у вас рецелт отгличного нас и хорошего самочувствия? — Рецелта никакого не очень просто: нужно любить жающих и жизнь вообще. Я старалась никому не делатл помогать, когда просят. И отзывчивость всегда платит же. Я не жалуюсь на жизнь блокады, считаю, убрала все ни. У мамы, например, поол житого перестали болеть она даже карточку не завела, немской поликлиники.

— Подводите ли вы какие-либо жизненные итоги накануне тин?

— Я сейчас отпдываюсь, думаю: а были ли эти годы? Осталась молодой. Большая — это подарок Всевышнего.

Остается только по-хоро позавидовать, неискьякак жизненнолюбно Раисы Федоровной и поздравить ее с пеем. Дочь, внук и правнук дом с ней, а ведь семья — глденность в жизни. Глядя на женщину, зарыкаешься от том. Она прекрасно выгля зегда подтанута. Пожела легкости в ногах и чтобы все инные хлопоты доставляли удовольствие, как в случае отвлеченными к праздновоб обилие.